

УДК 1: 316.772.4 (575.2) (04)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В УСЛОВИХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Х. Бугазов¹

Modern historical processes, challenges and responses that reflect the essence and forms of integration processes in the society are among major focuses of the article. Controversial nature of globalization, national identity and cross-cultural communication issues that it entails, is of utmost significance when defining the essence of modern era and human existence.

Ключевые слова: общественный прогресс, всемирная история, глобализация, социокультурная среда, культурное разнообразие, полиэтничность, национальная идентичность, культурная идентичность, межкультурная коммуникация, диалог цивилизаций.

Известно, что логика современного социального развития представляет собой движение общества к системе глобальных социальных отношений. Однако что именно представляет собой конечную цель этого движения – глобальная гармония или глобальный хаос, – является одним из наиболее острых и обсуждаемых вопросов, который формирует определенный дискурс, выходящий за рамки «чистой» философии. Споры вызывает и ряд других, связанных с ним, проблем: совместима ли глобализация с культурной и цивилизационной многополярностью? Каковы перспективы этнокультурной идентичности и политического суверенитета? Наконец, каким образом в глобализирующемся сообществе

могут и должны складываться межкультурные и междоцивилизационные взаимоотношения? Поиск ответов на эти и другие вопросы происходит в рамках двух методологически противоположных точек зрения: приверженцы первой воспринимают глобализацию как угрозу для социокультурного многообразия, сторонники второй видят в ней новые перспективы и считают ее неотъемлемой частью социального роста.

Большинство специалистов, как известно, оценивает глобализацию крайне негативно, чаще всего как скрытую форму неокolonизации, ведущую не только к дальнейшему ухудшению социального положения, но и ассимиляции этноса, его культуры. Показательны в этом отношении высказывания известных французских социологов постмодернистов П. Бурдьё и Ж. Бодрияра. Первый утвержда-

---

¹ Бугазов Анвар Хусаинович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук КРСУ.

ет, что глобализация – это некое объединение в угоду «доминирующей силе», под которой подразумеваются США [1. С.1-6], второй сравнивает это явление с терроризмом, полагая, что последний «...является ответом на столь же аморальную глобализацию» [2]. Интересно, что даже те авторы, которые стремятся увидеть положительные аспекты влияния глобализации на социальные процессы, в конечном итоге приходят к неутешительным выводам. Одно из таких исследований индийского специалиста Джагдшида Бхагвати так и называется «В защиту глобализации». Автор утверждает, что глобализация не порождает бедность, а способствует ее преодолению. Полагая, что «...включение бедных стран в международное разделение труда увеличивает потребность в низко квалифицированных рабочих, составляющих большинство бедного населения; таким образом, свобода торговли обеспечивает такой тип экономического роста, который увеличивает потребность в неквалифицированном труде и позволяет более эффективно бороться с нищетой» [3].

Однако общей картины в оценке глобализации такие работы не меняют. Даже в приведенном примере трудно рассчитывать на позитивное отношение к процессу, который способен лишь увеличивать «потребности в неквалифицированном труде». Словом, какой бы аспект обсуждаемого явления мы ни взяли – международная и региональная безопасность, кооперация и разделение труда, национальная и культурная идентичность, – везде глобализация представляет собой средство или условие уничтожения человечества и природы. Мир, по выражению Э. Гидденса, в процессе глобализации не только не стал более «управляемым», но, напротив, вышел из-под контроля и «ускользает из рук» [4]. Чем обусловлены столь крайние, порой выходящие за рамки философской терминологии, оценки глобализма? Ключевыми особенно-

стями глобализации, как известно, являются широкое внедрение новых информационных технологий (создание глобальной компьютерной и масс-медийной сети), доминирование в экономической жизни обществ новых субъектов хозяйственной деятельности (ТНК и ТНБ), усиление взаимозависимости, взаимной связи и уязвимости людей, общностей и государств.

Упоминаются в литературе и такие особенности глобализации, как «триумф либеральной демократии», «универсализация цивилизации», «мультикультуризм» и т.д. [5. С.13-16]. Можно сказать, что в целом в приведенных суждениях содержится объективное и адекватное понимание социальной действительности. Негативная оценка глобализации становится понятной, когда речь заходит о возможных последствиях этого процесса [6. С.17-18]. Например, суждения о межкультурном и межцивилизационном диалоге как составной части глобализации социальных отношений, вызывает у многих специалистов вопрос: «Не приведет ли чрезмерная “открытость” в таком взаимодействии к потере этнической самобытности этноса или государственного суверенитета?» Некоторые исследователи, говоря о том, что глобализация ведет к ослаблению возможностей государства контролировать сферу финансов, торговли, информатики, делают далеко идущие предположения об отмирании института государства и «конце географии». Государственная власть, пишет, например, С. Перегудов, «...перетекает в практически никому неподотчетные ТНК, а также финансово-политические организации типа МВФ, Всемирного банка, ВТО и другие. Таким образом, на глобальном уровне идеология “минимального государства” обретает свое законченное “идеальное” воплощение...» [7].

В свою очередь, возникновение глобальной экономики и утверждение на мировых рынках транснациональных корпораций яви-

лось причиной возникновения целого социального слоя космополитической олигархии, ставящей себя выше национальных сообществ. Модернизация экономики, урбанизация и глобализация, как утверждает С. Хантингтон, принизили для многих людей важность их национальной идентичности, превратив ее в «... нечто более камерное, более интимное» [8. С.39]. Такая ситуация, по мнению антиглобалистов, также ограничивает социокультурный потенциал национальных сообществ и ставит под сомнение перспективы их национальной самоидентичности. Этническая и культурная однородность подавляющего большинства развитых стран, считают они, уходит в прошлое, тем самым усугубляя проблемы этнических и конфессиональных отношений внутри государств. Кроме того, нарастание внутренних проблем происходит на фоне постоянно увеличивающегося разрыва в уровне благосостояния и неравенства в «распределении выгод и издержек» глобализации между странами, находящимися на ее переднем крае, и теми, которые по существу оказались исключенными из глобальной системы.

Большое влияние на оценку глобализации оказывает понимание сущности и роли данного явления в формировании будущего социокультурного пространства самих «глобалистов». Например, З. Бжежинский полагает, что «...глобализация по своей сути означает глобальную взаимозависимость», которая совсем «...не гарантирует равного статуса или даже равной безопасности всем странам» [9. С.10]. Напротив, интересы национальной безопасности США «...требуют, чтобы последователи мусульманства начали рассматривать себя как такую же часть формирующегося глобального сообщества, что и ныне процветающие демократические страны планеты с другими религиозными традициями» [9. С.85]. Императивная форма подобных высказываний заставляет задуматься над тенденциями,

проявившимися в последнее время в решении некоторых международных проблем. В частности, являются ли нравственные принципы необходимым компонентом современной парадигмы социального развития? Может ли новый «мировой порядок», воспринимаемый людьми как воплощение идей гуманизма и демократии, быть построен посредством применения силы?

Понятно, подобные суждения и действия не могут не вызывать социального беспокойства. Очевидно, архетип силового решения международных проблем противоречит гуманистическим принципам мирового сообщества и представляет реальную угрозу его саморазрушения. Война, террор как способ разрешения конфликтов давно дискредитировали себя и в настоящее время все чаще проявляются как формы иррационального мышления. Представляется, что важнейшим элементом структуры «смыслового поля» современных социокультурных отношений является многовариантность цивилизационного и культурного устройства мира. Однако различие культур – это не пропасть, разделяющая людей, а сфера взаимодействия и нахождения точек соприкосновения, прежде всего в философской рефлексии действительности.

Вот почему осмысление сути происходящих трансформаций в обществе в качестве основной парадигмы современного философского мышления должно приводить к диалогу. Тем самым преодолевается стереотип восприятия различий в культуре как угроза национальной идентичности, что так же значимо, поскольку вряд ли можно думать о каких-то целях в социальном развитии без определенной веры в силу человеческого духа, преодолевающего барьеры и препятствия между цивилизациями, которые, возможно, существовали целые столетия. Очевидно, что такое явление как глобализация имеет противоречивое значение. Она в одинаковой мере

создает возможности для экономического и социокультурного роста, притока инвестиций и постепенного преодоления бедности; с другой стороны, содержит в себе опасность утраты национального контроля над основными экономическими и идеологическими ценностями общества. Достаточно мудро по этому поводу, в своем выступлении 27 апреля 2001 г. в Папской академии социальных наук, сказал глава римской католической церкви папа Иоанн Павел II: «Сама глобализация а priori ни хороша, ни плоха. Она будет таковой, какой ее сделают люди» [10].

Обозначенный вектор в развитии мирового сообщества актуализирует вопрос межкультурной коммуникации и плюрализма. Могут ли, например, ценности, сформировавшиеся в рамках европейского мышления, быть реализованы там, где другой менталитет и иная политическая культура? Мнения по данному вопросу высказываются самые разные. Некоторые специалисты, например, А.Дугин, считает невозможным применение «западной» модели социального управления вне Европы. Более того, «претензии западной либеральной культуры» на свою «универсальность» рассматриваются им как одно из основных отрицательных свойств глобализации, которому необходимо противопоставить «мобилизацию национального самосознания» [11]. В особенности если «...русские для Запада – это главные изгои, “евреи XXI века”»¹.

Необходимо признать, что данная точка зрения начинает приобретать характер официальной доктрины России и ближайших ее союзников. Так, зам. директора Центра геополитических экспертиз В. Коровин, в своем докладе на заседании глав представительств в

¹ Мнение Г.О. Павловского, которое приводит И.И. Иванова в своей статье «Формирование национальной ментальности русской молодежи в инокультурной среде: возможности философии» [12. С.246].

ОДКБ подчеркнул изменения вектора основных угроз, стоящих перед странами-членами ОДКБ. Изменения связаны с началом нового периода, который характеризуется возникновением новых угроз, исходящих от блока НАТО. По мнению В. Коровина, «ОДКБ является одним из тех готовых инструментов, которые Россия может задействовать для реформатирования постсоветского пространства в ключе противостояния нарастающему давлению со стороны США в пользу своих геополитических интересов». Представитель Узбекистана подчеркнул важность и неизбежность геополитического подхода в формировании отношения ОДКБ к НАТО. В условиях геополитического противостояния, наш ответ, утверждает он, должен заключаться «...в симметричной экспансии наших идей, нашей культуры, наших ценностей, которые должны не только вернуть свои позиции внутри наших стран, но и стать основным инструментом нашей экспансии в XXI веке», – заявил представитель Узбекистана [13].

Фактически данные авторы вновь предлагают признать этноцентризм как исходный пункт социальных действий и как средство реализации коллективных интересов, как это имело место раньше, в тех философских концепциях, где национализм или «социальная сила национального сознания» рассматривались в качестве общего «побуждающего мотива» современной истории [14; 15]. Другие, напротив, считают, что всякие рассуждения о некоем «особом» пути развития выражают лишь «...чувство неуверенности в себе, присутствующее “лишним” людям, вечно вопрошающим “Что делать?”» [16. С.33]. Представляется, что при таком «дихотомическом» понимании проблемы она не может быть решена. Ни столкновение цивилизаций, предполагающее «разность» и «разделение», ни понимание цивилизации как гомогенного целостного единства не соответствует реалиям современного

мира с его повсеместным взаимопроникновением культур.

Представляется, что ответ на поставленный вопрос следует искать в контексте взаимодействия культурной идентичности и универсальности цивилизационных норм бытия. Социальная трансформация в форме исторического прогресса, как известно, определяется способностью общества сформировать эффективную систему экономических, политических отношений, соответствующих его «культурно-историческому типу». При этом практика свидетельствует: наибольших успехов в оптимизации процессов жизнедеятельности сегодня демонстрируют те типы социальных систем, которые открыты для взаимопроникновения и взаимодействия культур. Примером такого понимания, рассматриваемых вопросов, является концепция «евразийской» модели гражданского общества. Данная модель строится на признании ряда принципиальных факторов.

Во-первых, полиэтничность. Наличие данного фактора обусловлено этносоциальными процессами, происходящими в последнее время в мировом сообществе. Если раньше принадлежность к нации определялась на основе общности территории, языка, культуры, психологии и т.д., то сегодня мы имеем дело с реальностью, при которой данный подход утрачивает свое методологическое значение. Наличие или отсутствие одного или нескольких выше перечисленных признаков не может свидетельствовать о том, каким национальным самосознанием обладает индивид. Человек может не использовать родной язык в качестве рабочего или межкультурного, редко сталкиваться с национальными обычаями и традициями, тем не менее он продолжает осознавать себя представителем своего этноса наряду с другими своими соплеменниками. Эти и другие причины в сознании многих исследователей рождают

апокалипсическую картину будущего в особенности тех народов, которые не относятся к «золотому миллиарду». Так, применительно к Кыргызстану, местный исследователь К. Байбосунов полагает, что «...через 150 лет на нашей земле будет царствовать в основном технический симбиоз китайского, японского и английского языков. Кыргызским языком займутся лингвоархеологи... Но это будет делом отдельных энтузиастов» [17].

Несомненно, родная речь, обряды и т.д. представляют собой важнейшие формы социальной памяти, благодаря которым возможно сохранение и развитие той или иной общности как нации. Вместе с тем вряд ли можно согласиться со столь пессимистичным предположением. Многие люди, оказавшись в силу различных обстоятельств в иной социокультурной среде, принимают ее нормы и ценности, язык, обычаи и т.д., при этом продолжают осознавать себя представителями той нации, к которой принадлежат этнически. Или напротив, будучи по происхождению представителями одной нации, они идентифицируют себя с той, чьи ценности и образ жизни они воспринимают как свои собственные. Многие жители Франции, Швеции или Германии азиатского или африканского происхождения считают себя французами, шведами и т.д., как и коренные жители этих стран. Данные факты говорят о том, что в таком сложном процессе, как национальная идентификация, помимо объективных условий – этнической, языковой принадлежности индивида – все большее значение, в том числе и в Кыргызстане, будет приобретать и субъективный фактор – собственное осознание личности того, к какой нации, культуре она принадлежит.

В данном случае важно отметить, что речь не идет об исчезновении ни того, ни другого. Национальная и культурная идентичность была и остается основой современных социальных общностей. Полиэтнизацию общества

не следует путать с маргинализацией. Первое предполагает социальную консолидацию представителей различных этносов на основе общих (в этом смысле общенациональных) интересов. Второе – потерю этносом национальных и исторических корней, утрату собственной социокультурной среды. Другим фактором является толерантность, реальное демократическое общество невозможно представить без такого свойства людей, как терпимость к инакомыслию и сосуществованию различных форм духовной культуры. Признание первых двух условий евразийской модели демократического общества дает основание говорить о существовании такой формы его социокультурного бытия, как межкультурная коммуникация. Диалог между цивилизациями, который имеет многоаспектный характер: исторический, культурологический и другие¹.

В рамках концепции диалога цивилизаций основной задачей является формирование модели будущего общества на основе взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. Именно диалог как парадигма мышления позволяет представить мир в его целостности и одновременно культурной разносторонности. Вполне оправданными в этой связи выглядят рассуждения А.Н. Кочергина о том, что и для русской, столь специфичной, по мнению многих исследователей, философии свойственен прежде всего диалогический метод понимания реальности. Более того, именно русская философия диалогизма, традиционно занимавшаяся духовными проблемами, по мнению автора, своей главной задачей имеет поиск принимаемых всеми людьми типа отношений, выработку ценностей, обеспечивающих сближение позиций Запада и Востока [19. С.43].

¹ Подробнее об этой модели говорится в сборнике статей «Кыргызстан – 2005. Стратегии и сценарии развития» [18].

Современность, по выражению М. Фуко, – это эпоха пространства, одновременности, непосредственного соседства и рассеянности, соответственно диалог как парадигма мышления и существования отражает степень самовыражения систем культуры и вместе с тем индивидуальные социальные характеристики общества. В «несиловом» варианте взаимодействия современная цивилизация способна трансформироваться в целостное образование с сохранением культурного разнообразия. Подобно тому, как основанная на рыночных отношениях глобализация питается за счет трансграничных коммерческих операций, культурное разнообразие развивается через диалог между обществами. Сохранение культурного разнообразия как возможности самовыражения, творчества и инноваций, не должно противостоять межкультурной коммуникации. Взаимное узнавание и понимание цивилизационных основ жизни различных этносов является необходимым условием для диалога и взаимного уважения между народами. Разрешение возникающих при таком взаимодействии противоречий представляет собой основное условие социального развития в эпоху глобализации.

Литература

1. Bourdieu P. Uniting to Better Dominate //Conflicts over Civilization, Items & Issues, No.3-4. Winter 2001.
2. Бодрияр Ж. L'Esprit du Terrorisme //Le Mond. 03.11.2001.
3. Бхагвати Д. В защиту глобализации. – М., 2005.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004.
5. Ратленд П. Глобализация и посткоммунизм //МЭиМО. 2002. №4; Холодковский К. Вызовы глобализации (внутриполитический аспект) //МЭиМО. 2002. №9.

6. Токтосунова А.И. Культурная идентичность и диалог культур в контексте глобализации //Вызовы современности и философия. Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 16–17 ноября 2005 г. – Бишкек, 2006.
7. Перегудов С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? //МЭиМО. 2002. №4.
8. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.
9. Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. – М., 2004.
10. Выступление папы Иоана Павла II 27 апреля 2001 г. в Папской академии социальных наук.
11. Дугин А. Национализм любви. –<http://www.rambler.ru/db/news/msg.tml?mid=8200633>.
12. Вызовы современности и философия. Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 16–17 ноября 2005 г. – Бишкек, 2006.
13. ОДКБ перейдет к активному противодействию США на постсоветском пространстве. 13 марта 2008 г. – [http:// ca-news.org/Evrazia.org](http://ca-news.org/Evrazia.org).
14. Snyder L. Varieties of Nationalism: A Comparative Study. – N.Y., 1976.
15. Deutch K. Tides among Nations. – N.Y., 1979.
16. Раннопорт А.Г. Утопия и авангард: портрет у Малевича и Филонова //Вопросы философии. 1991. №11.
17. Байбосунов К. Только после тяжелейших испытаний люди возьмутся за ум //Вечерний Бишкек. 2 августа 2005 г.
18. Кыргызстан – 2005. Стратегии и сценарии развития. – Бишкек, 2005.
19. Кочергин А.Н. Философия выживания и устойчивого развития как общечеловеческий и национальный фактор //Общечеловеческое и национальное в философии: III международная научно-практическая конференция КРСУ (28–29 апреля 2005 г.). – Бишкек, 2005.